

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ С УТОЧНЯЮЩЕЙ СЕМАНТИКОЙ

М. А. Бабушкина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск

Рассматриваются метакоммуникативные компоненты, высказывания и ситуации в целом с уточняющей семантикой. Объясняется практическая значимость использования подобных речевых действий. Уточнение позволяет акцентировать внимание на речевом поведении собеседника, регулировать процесс коммуникации, запрашивать дополнительную информацию, необходимую для полной и корректной интерпретации речевого поступка. Исследование выполнено на материале современной художественной литературы.

Ключевые слова: метакоммуникация, метакоммуникативный компонент, метакоммуникативные высказывания, метакоммуникативные речевые ситуации, уточнение.

Исследовательский интерес к анализу метакоммуникативных речевых ситуаций обусловлен тем, что они ориентированы на организацию процесса общения, а следовательно, на повышение его эффективности.

Изучению феномена метакоммуникации уделяется значительное внимание. Рассматривая проблему определения понятия, ученые сходятся во мнении, что это особый вид общения, предметом которого является собственно коммуникативный процесс.

Вопрос дефиниции явления метакоммуникации в лингвистических исследованиях является дискуссионным. Однако, как правило, все исследователи отмечают, что единицы языка, реализующие метакоммуникативную функцию, играют значительную роль при повышении успешности общения. Выполняя метакоммуникативную функцию, они посредством языковых единиц эксплицируют процесс речи, акцентируют внимание на содержании и форме некоторых составляющих речевого взаимодействия, поясняют, уточняют, объясняют отдельные аспекты коммуникации [1–3].

При этом следует учитывать, что особенности метакоммуникации в конкретной речевой ситуации зависят от экстралингвистических факторов. Исходя из этого, обратим внимание на то, что корректный анализ специфики функционирования метакоммуникативных языковых средств возможен при комплексном коммуникативно-прагматическом подходе к их исследованию.

В данной статье объектом анализа являются метакоммуникативные речевые действия говорящего, представляющие собой вербальное пояснение конкретной речевой ситуации, уточнение, конкретизацию речевого действия участника процесса общения. Уточнение позволяет акцентировать внимание на речевом поведении собеседника, регулировать процесс коммуникации, запрашивать до-

полнительную информацию, необходимую для полной и корректной интерпретации речевого поступка.

Явление метакоммуникации может быть зафиксировано отдельными метакоммуникативными компонентами, акцентирующими внимание участника речевой ситуации на ходе реализации процесса общения, метакоммуникативными высказываниями и речевыми ситуациями в целом.

Определенное количество метакоммуникативных компонентов – маркеров метакоммуникации – можно встретить в разных речевых действиях. Под метаконкомпонентом понимается языковое средство или их сочетание, акцентирующее внимание собеседника на описании, конкретизации, уточнении, комментировании, регуляции его речевого поведения или речевого поведения самого говорящего. Под метакоммуникативными высказываниями понимаются высказывания, «назначение которых – идентификация, уточнение интенции, регулирование речевого общения средствами самого языка» [4, с. 225], где высказывание – это «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-либо» [5]. Отдельные высказывания или речевые ситуации о самом процессе коммуникации встречаются значительно реже. В. Б. Кашкин на этом основании разделяет метакоммуникацию на включенную и внешнюю. Внешняя отражается в высказываниях по поводу коммуникации. Включенная протекает одновременно с процессом основной коммуникации и поддерживает и организует этот процесс с помощью специальных маркеров-указателей [6].

Так, в качестве уточняющего компонента – метакоммуникативного маркера выступает союз *то есть* в значении *а именно, иными словами*:

– *То есть ты вышел и понял, что света на улице нет.* – Да [7, с. 178].

Это языковое средство может уточнять высказывание, внося в содержание высказывания собеседника оговорку или поправку:

– **То есть**, если бы не аптечка, ты <...> мог бы до завтра ездить, – сказала Маня, пытаясь уложить в голове все сказанное [7, с. 180]. – Говорящий предлагает собственную интерпретацию слов партнера по коммуникации.

Уточнение может быть акцентировано частицей *да*, которая употребляется в конце вопросительного высказывания с целью побуждения собеседника к ответу:

– Вы мне можете не верить, но, правда, я не сумасшедший. Я отлично все помню и легко считаю в уме до ста. – Это ты так пошутил, **да?** – Он кивнул [7, с. 180].

– Я не понял, – протянул лениво он и подпер кулаком подбородок, – ты заигрываешь со мной, **да?** [8, с. 72].

Реакцией партнера по коммуникации в обоих примерах являются метакоммуникативные высказывания, констатирующие речевое поведение собеседника (*шутит, заигрывает*), однако ключевым метакоммуникативным компонентом в высказываниях является частица *да*, актуализирующая желание говорящего получить подтверждение своим предположениям (*Не правда ли? Не так ли?*) и тем самым уточнить речевое поведение собеседника с целью понять, как в дальнейшем выстраивать линию поведения.

Посредством разговорной частицы и наречия, которые выступают метакомпонентами в последующем примере, уточняется степень уверенности собеседника в ответной реплике:

– Анфис, а «Ксеникал» вчера привезли? – *Вроде привезли.* – **Вроде или точно привезли?** [9, с. 28].

Употребление частицы *вроде* указывает на сомнение говорящего (*кажется, как будто*). Поскольку эта информация является важной, собеседник акцентирует внимание на том, какие языковые средства использует в своем сообщении партнер по коммуникации. Наречие *точно*, употребляемое как разговорное в значении *верно, действительно, в самом деле*, эксплицирует более высокую степень уверенности, чего косвенно и требует партнер по коммуникации, ожидая ответа *Точно, привезли*. Уточняя информацию, он сопоставляет в смысловом отношении разговорную частицу *вроде* и наречие *точно*, за счет чего высказывание приобретает метакоммуникативный характер.

Как правило, в качестве уточняющего метакомпонента выступают лексические средства языка, семантика которых связана с уточнением, насколько верно воспринятая информация соотносится с действительностью. Это такие лексемы, как *точно, верно, правильно, определенно* и др.

Регулярно наблюдаются случаи использования таких лексических средств в ситуациях, когда говорящий уточняет правильность выражаемой им позиции, тем самым подчеркивая свой речевой приоритет:

– **Все правильно** я говорю, Людмила Ивановна. Сын мой очень симпатичный, и Лиза очень похожа на него! [8, с. 344].

Или, уточняя правильность своей интерпретации, запрашивает этому подтверждение, и тогда имеет место ситуация, аналогичная ситуации с употреблением частицы *да*:

– **Постой, не так.** Ты целый день был в «Алфавите», **да?**.. – Береговой кивнул. – Не уезжал нигуда, и это проверить очень легко, потому что там пропускная система, выходы-входы фиксируются. **Да?** – Он опять кивнул. – Твоя машина была где? – На стоянке для сотрудников, во дворе. Ну, куда все мы заезжаем, под илагдаум! **Правильно?** – Абсолютно! – почти весело сказал Береговой [7, с. 172].

В речевой практике участники процесса общения нередко используют метакоммуникативные высказывания, которые интенционально ориентированы на уточнение воспринимаемой информации посредством изменения речевого поведения собеседника.

Такие высказывания могут носить директивный характер, когда интенция выражает побуждение к собеседнику изменить свои речевые действия:

– А сегодня, какие дела у тебя? – Разные, – ответил Платон Легран и перегнул газету на другую сторону. – **Ты скажи словами, что ты хочешь!** [10, с. 104].

Говорящий заостряет внимание на немногословности собеседника и, уточняя, что имеет в виду партнер по коммуникации, побуждает его к большей информативности.

Побуждение может быть направлено на предупреждение возможного недопонимания между участниками речевой ситуации. Выражение *пойми меня правильно* носит фразеологизированный характер, употребляясь в случае, если говорящий хочет уточнить, пояснить, что он имеет в виду. Как правило, последующие реплики носят разъясняющий характер:

– **Пойми меня правильно**, – очень серьезно начал Артем. <...> – **Я ничего от тебя не скрываю.** Ты мой самый лучший друг [10, с. 85–86].

– Да ты **пойми меня правильно**, Андрей Андреевич, – говорила Марина очень убедительно <...>. – Дело не в том, что мы плохо относимся именно к твоему автору! [10, с. 201].

Имплицитное побуждение к уточнению или разъяснению сказанного содержит высказывания, констатирующие непонимание говорящим своего собеседника.

– **Я ничего не понимаю!** – закричала Маня сердито. – **Ничего! Что ты придумываешь?!** [7, с. 179].

Так, интенцию в данной речевой ситуации можно интерпретировать как *Объясни по-другому!*

Однако более регулярно воспроизводятся ситуации, когда говорящий прямо констатирует намерение уточнить информацию. При этом намерение прокомментировать сказанное может быть и в речи говорящего-адресанта:

– *Какая здесь красота, – мечтательно сказала Митрофанова. – Я имею в виду, за городом! Я хотела всю жизнь жить в собственном доме. А тут так чудесно, и ехать близко!..* [7, с. 252] – использование метакоммуникативного компонента *иметь в виду*, выраженного фразеологизированным оборотом [11, с. 274], помогает говорящему избежать возможного уточняющего вопроса со стороны слушающего.

Это же характерно и для речи адресата, то есть того, кто изначально воспринимает информацию, а потом уточняет, правильно ли она им интерпретирована:

– **То есть ты хочешь сказать, что... в подземном ходе... клад?!** – Ну да. Или когда-то был спрятан [9, с. 284].

– **То есть ты хочешь сказать,** – проговорил полковник задумчиво, – **что подставляли не Берегового, а Столетова, да?** [7, с. 225]. Говорящий эксплицирует попытку истолковать слова собеседника.

Разнообразны по содержанию вопросительные высказывания уточняющего характера. Наиболее регулярно воспроизводятся речевые ситуации, содержащие вопрос относительно понимания сообщаемой информации. Говорящий может уточнять, правильно ли он понял сказанное:

– **Значит, мы должны найти убийцу до пяти,** – заключила Анфиса. – **Правильно я понимаю?** [9, с. 252].

Вопрос о понимании может касаться процесса восприятия сказанного адресатом:

– *Слушай, Григорий, – выговорил он, тяжело дыша и утирая рот, – вот я при свидетелях говорю: я уволю тебя. Ты понял или нет? Еще один раз, даже не раз, а... и все. Я больше не могу* [8, с. 17]. Такое высказывание можно считать метакоммуникативным, поскольку запрос о понимании информации имеет отношение и к форме ее подачи (при свидетелях).

Контроль ментального восприятия может осуществляться метакоммуникативными вопросами, содержащими, во-первых, уточнение отдельных фрагментов речи собеседника:

– *Он заявил что-то в том смысле, что на мое место возьмет Киру, а она-то уж воровать не*

станет. Он вообще умел задевать людей. – Что значит – задевать? – Он всегда умел обидеть [8, с. 113].

Во-вторых, уточнениями, содержащими вопрос относительно содержания всего высказывания:

– **Что ты хочешь этим сказать?..** – помолчав, начал Батурин <...> [8, с. 126].

Коммуникативное намерение может быть интерпретировано следующим образом: «я тебя не понимаю, но я прошу тебя сказать это же другими словами, уточнить сказанное». Таким образом регулируется процесс ментального восприятия информации с целью исключить недопонимание между коммуникантами.

Однако уточнение может быть направлено говорящим и на собственные реплики:

– *Ну, мы у тебя перекантуемся до утра. Приглашаешь в гости, а? Я тебя спрашиваю, в гости приглашаешь?..* [7, с. 200].

Говорящий совершает рефлексивное метакоммуникативное действие, эксплицитно констатируя факт вопроса, тем самым подчеркивая, что ожидает ответное действие от собеседника, в частности приглашения. Подобный метакоммуникативный ввод обусловлен нежеланием партнера по коммуникации осуществлять действие в интересах говорящего.

Вопросительные высказывания могут регулировать процесс сенсорного восприятия информации, когда уточнение касается того, слышал или не слышал адресат информацию. Проверяется действие канала коммуникации:

– *Если бы претендовали все на свете, я бы все равно тебя не отдала! Слышишь? Он, конечно, слышал* [8, с. 318].

– **Лариса, вы слышите меня?** – спросил Алекс. Она покачала головой – нет, не слышу [7, с. 141]. Данный пример демонстрирует ложную реакцию адресата: если она реагирует, значит, слышит сказанное. Поэтому ответ собеседника можно интерпретировать как реакцию не на проверку канала связи, а как на запрос о понимании – *не слышу* означает *не понимаю, не вникаю* и др.

Вопрос с отрицанием в большей степени стимулирует ответную реакцию адресата, поскольку отрицание уже изначально предполагает акцент говорящего на том, что он предполагает или уже фиксирует в ходе диалога некооперативный или конфликтный настрой адресата:

– **Артем, ты не слышишь? Ребенок с кем? – Дашенька с Настинными родителями, – признался он как-то неохотно** <...> [10, с. 49].

– *Нет, – улыбнулась она, – нельзя. Я же тебе говорила про показания. Только что. Ты не слышал?* – *Я слышал, – возразил он* [8, с. 303].

Подобное уточнение о ходе восприятия информации усиливает действие контактоустанавли-

вающей функции метакоммуникативного высказывания.

Но это может быть и проверкой действия технического канала связи. Во избежание повтора говорящий уточняет, был ли он услышан, в частности, по телефону:

– **Вы меня слышите?! Але! Але!!!** Володьку в милицию забрали. – **Какого еще Володьку?!** – возмутилась Митрофанова [7, с. 38].

В речевой практике наблюдаются ситуации, в которых реализуется общение по поводу организации процесса коммуникации, то есть первичной является собственно метакоммуникативная интенция. Взаимодействие коммуникантов в таких ситуациях также может носить уточняющий характер, например, относительно необычных слов или выражений, которые употребляет собеседник:

– Я к нему пошел, а то, думаю, правда, в другой раз меня кто-нибудь... того... **уконтрапунит!** – **Что сделает?! – Уконтрапунит.** А что?

Анфиса посмотрела на Наталью, ища поддержки у нее, и Лидя перестала переставлять в шкафчике флаконы. – **Ничего** [9, с. 136].

– <...> **На открытке с цветущими!** – <...> **А это еще что за слово?** – **Какое слово?! Дались тебе мои слова, а?** – **Ну вот... это. Цветуи. Откуда ты его взял?** [9, с. 308].

Если в первом случае коммуникант не настаивает на развитии речевой ситуации и не продолжает выяснять значение непонятого слова, то во втором случае иллюстрируется конфликтная ситуация, когда говорящий не склонен поддерживать диалог (*Дались тебе мои слова, а?*). Однако его сигнал к развитию конфликтного общения не воспринят адресатом, и поэтому следует вопрос относительно появления обсуждаемой формы выражения. Отметим, что окказионализмы *цветуи* и *уконтрапунит* уже сами по себе являются неким метакомпонентом, цель которого – дать косвенный сигнал относительно сниженной эмоциональной оценки речевой ситуации. Подобное использование слов окказионального характера однозначно вызывает ответную реакцию уточнения сказанного.

Фактический материал представляет случаи, условно говоря, ложного уточнения, когда говорящий не имеет цель конкретизировать сказанное, а скорее иронизирует, выражая свое отношение к сказанному или партнеру по коммуникации, в данном случае посредством обыгрывания фразеологизма:

– **Тебе нужно заниматься своим здоровьем,** – сообщила Мика, – **серьезно! Ну что это такое, ты же молодой, не пьешь, а лица на тебе нет!**

– **А что на мне есть?** [9, с. 150].

Довольно типичны ситуации обсуждения процесса ментального восприятия. В отличие от мета-

коммуникативных высказываний, где представлена только заявка на то, что коммуникант не понимает сказанного или должен понять определенным образом, речевые ситуации с метакоммуникативной интенцией посвящены просьбе или требованию объяснить сказанное и/или обсуждению такой возможности. Выявлены:

– ситуация отказа в объяснении по причине нежелания адресата, которое он эксплицирует в ответной реплике:

– **Я ничего не понял,** – сказал Батурич негромко, – **что это значит? Вы или не вы или кто там еще! Объясните.** – **Не хочу я ничего объяснять,** – произнесла девица с тоской, – **все равно вы не поверите мне!** [8, с. 29];

– ситуация отказа по причине отсутствия необходимости объяснения, что фиксируется позицией адресата:

– **Помню.** – **Кира потеряла ладонями щеки.** – **Леня, да объясни ты мне в конце концов!** – **Да что тут объяснять!** – **Сергей прыгнул с подоконника и вытер о джинсы руки** [8, с. 263];

– ситуация обсуждения адресатом речевых действий говорящего, как правило, некооперативного характера:

– **Вы, Кира Михайловна, не молчите,** – душевно попросил капитан, **вы на вопросы отвечайте.** – **На какие вопросы?** – **На мои. На мои вопросы.** – **Вы ни о чем меня не спрашиваете.** – **Спрашиваю. Я спрашиваю про вашего нового начальника, которого потерпевший уволить собирался не далее как вчера.** – **Что вы про него спрашиваете?** Капитан начал медленно, но верно наливать свекольным цветом. – **Я спрашиваю...** [8, с. 105]. Данная иллюстрация демонстрирует вынужденное пояснение и уточнение говорящим собственных речевых действий;

– ситуация согласия или подтверждения кооперации адресата с партнером по коммуникации:

– **Вы мне толком объясните.** – **Да я вам объясняю!** – **Как вы объясняете, ничего не понятно!** – **Да говорю же!** – **Дэн выкрутил руль.** – **Я брал интервью у...** – **У одного перца,** – подсказала Митрофанова [7, с. 40].

Отметим, что метакоммуникативные высказывания, или речевые ситуации, наблюдаются чаще в тех случаях, когда участники процесса коммуникации сталкиваются с препятствиями в общении, коммуникативными барьерами, поэтому перед ними возникает необходимость договариваться о том, как будет проходить их речевое взаимодействие. В таких случаях метакоммуникация с целью уточнения, конкретизации, пояснения помогает собеседникам не только уточнить, понято ли сказанное, но и поддерживать коммуникативный контакт, который может быть прерван из-за непонимания

или других причин одним из партнеров по коммуникации.

Таким образом, речевое взаимодействие коммуникантов, направленное на регулирование процесса общения, может быть маркировано метакоммуникативными компонентами уточняющего характера, включать метакоммуникативные вы-

сказывания и репрезентировать метакоммуникативные речевые ситуации со значением уточнения, пояснения с целью выяснить правильность понимания сказанного или указать на некорректное речевое поведение партнера по коммуникации, что препятствует достижению коммуникативного эффекта.

Список литературы

1. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. 476 с. URL: http://bookap.info/okolorsy/beytson_ekologiya_gazuta/gl21.shtm (дата обращения: 08.06.2017).
2. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия: Литература и языки. 1981. Т. 40, № 4. С. 368–369.
3. Гурочкина А. Г. Метакоммуникативные единицы и их роль в регуляции диалогического общения. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21766844> (дата обращения: 08.06.2017).
4. Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1994. 256 с.
5. Русская грамматика 1980. Т. 2. URL: <http://rusgram.narod.ru/1890-1907.html> (дата обращения: 08.06.2017).
6. Кашкин В. Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 1. С. 21–27.
7. Устинова Т. В. Неразрезанные страницы: роман. М.: Эксмо, 2014. 352 с.
8. Устинова Т. В. Развод и девичья фамилия: роман. М.: Эксмо, 2003. 352 с.
9. Устинова Т. В. Закон обратного волшебства: роман. М.: Эксмо, 2014. 320 с.
10. Устинова Т. В. Третий четверг ноября: повести. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
11. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Бабушкина Мария Александровна, преподаватель, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (ул. Большевикская, 68, Саранск, Республика Мордовия, Россия, 430005).
E-mail: fairysky@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.06.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-25-30

METACOMMUNICATIVE SPEECH ACTS WITH SPECIFYING SEMANTICS

M. A. Babushkina

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation

The article deals with the metacommunicative components, metacommunicative statements and metacommunicative situations on the whole with specifying semantics, in other words, the object of analysis is metacommunicative speech acts of the speaker, which represent a verbal explanation of the specific speech situation, specification, concretization of the speech act of the participant of the communication process. The article explains the practical significance of the use of such speech acts. The specification allows us to focus on the speech behavior of the interlocutor, regulate the process of communication and request additional information which is necessary for a complete and correct interpretation of a speech act. Metacommunicative speech acts can be expressed as particles (то есть – that is, да – yes, вроде – like), adverbs (точно – exactly, правильно – right, верно – correct, etc.), and metacommunicative statements of the phraseological character (иметь в виду – to bear in mind, пойми меня правильно – understand me correctly), interrogative metacommunicative statements (Что ты хочешь этим сказать? – What do you mean by that? Слышишь? – Do you hear? etc.), metacommunicative statements (Я ничего не понял, объясните и др. – I did not understand anything, will you explain, etc.) and whole metacommunicative speech situations containing the action tendency to explain what was said. The research was performed on the material of the modern fiction (the fiction books of T. Ustinova “Uncut pages”, “Divorce and maiden name”, “Principle of the Magic inverse Act” and “The Third Thursday of November”).

Key words: *metacommunication, metacommunicative component, metacommunicative statements, metacommunicative speech situation, specification.*

References

1. Beytson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Ecology of Mind. Selected Papers on Anthropology, Psychiatry and Epistemology]. Moscow, 2000. 476 p. (in Russian). URL: http://bookap.info/okolopsy/beytson_ekologiya_razuma/gl21.shtml (accessed 08.06.2017).
2. Dem'yankov V. Z. Pragmaticheskiye osnovy interpretatsii vyskazyvaniya [Pragmatic principles of utterance interpretation]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Literatura i yazyki – Izvestiya, Literature and Language Series*, 1981, vol. 40, no 4. pp. 368–369 (in Russian).
3. Gurochkina A. G. *Metakommunikativnye edinitsy i ikh rol' v regulyatsii dialogicheskogo obshcheniya* [Metacommunicative units and their role in the regulation of dialogical communication] (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21766844> (accessed 08.06.2017).
4. Mikhaylov L. M. *Kommunikativnaya grammatika nemetskogo yazyka* [Communicative Grammar of the German Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994. 256 p. (in Russian)
5. *Russkaya grammatika 1980* [Russian Grammar 1980]. Vol. 2 (in Russian). URL: <http://rusgram.narod.ru/1890-1907.html> (accessed 08.06.2017).
6. Kashkin V. B. Metakommunikatsiya v prostranstve obydenogo i nauchnogo poznaniya [Metacommunication in the space of common and scientific knowledge]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya" – Vestnik TvGU Series: Philology*, 2011, vol.1, pp. 21–27 (in Russian).
7. Ustinova T. V. *Nerazrezannye stranitsy: roman* [Uncut Pages: a novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 352 p. (in Russian).
8. Ustinova T. V. *Razvod i devich'ya familiya: roman* [Divorce and Maiden Name: a novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 352 p. (in Russian).
9. Ustinova T. V. *Zakon obratnogo volshebstva: roman* [Principle of the Magic Inverse Act: a novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 320 p. (in Russian).
10. Ustinova T. V. *Tretiy chetverg noyabrya: povesti* [The Third Thursday of November: stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
11. Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of Russian language: approx 13 000 phraseological units]. Issue 3. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 878 p. (in Russian).

Babushkina M. A. National Research Ogarev Mordovia State University (ul. Bolshevistskaya, 68, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, 430005). E-mail: fairysky@yandex.ru